

Ева Рейн

РАЗВОД.
ТЫ НАЗВАЛ МЕНЯ
БАЗАРНОЙ БАБОЙ

Ева Рейн

Развод: ты назвал меня базарной бабой?!

<https://litres.ru/74484204>

Аннотация

Муж украл деньги у целого рынка — и объявил людям, что миллионы забрала я. А когда я потребовала сказать правду, обнял молодую любовницу и усмехнулся: «Базарной бабе — базар».

Двадцать восемь лет мы строили общее дело. После развода ему достались дом и благополучная жизнь, мне — обветшавшие торговые ряды и люди, которым нечем выполнить обещанное. Я надеялась хотя бы на поддержку лучшей подруги, пока она не встала рядом с ним и не сказала: «Люда, не ври. Ты сама призналась мне, что получила деньги».

Содержание

Глава 1. Базарной бабе — базар	4
Глава 2. За что я должна тебя благодарить	26
Глава 3. Не проси меня уговаривать маму	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1. Базарной бабе — базар

У дверей кабинета стояла Зоя с прозрачной папкой, прижатой к груди, и Людмила ещё из конца прохода заметила, что подруга смотрит прямо на неё, даже не пытаясь поздороваться. Рядом теснились две женщины из дальнего ряда; одна держала под мышкой свёрнутый кусок картона, на котором темнело расплывшееся мокрое пятно. Людмила замедлила шаг, поправила на плече ремень сумки и только тогда увидела Геннадия. Он стоял чуть в стороне, возле окна, в знакомом сером пальто, а молодая женщина рядом с ним осторожно переступала через натёкшую на плитку воду. На этот первый мартовский понедельник Людмила намечала совсем другое: поговорить с Галиной, забрать ключи, пройти по помещениям и посмотреть, что из январских обещаний всё-таки успели сделать. Теперь приходилось подходить к людям, которые явно ждали от неё объяснений.

— Ну наконец-то, — сказала Зоя и отступила от двери ровно настолько, чтобы Людмила смогла остановиться перед ней. Она не улыбнулась, хотя обычно уже издали начинала рассказывать, что случилось за утро, и первой тянулась обнять. — Мы с половины девятого тут. Скажи, когда у нас работать начнут? В субботу опять всё потекло, я два рулона со стеллажа снимала, а мне их теперь кому продавать?

Людмила посмотрела на папку в её руках, потом на мок-

рый картон у соседки. У той на манжете вязаной кофты прилипла белая нитка, и почему-то именно эта мелочь мешала сразу собраться с мыслями: женщины вышли из своих мест на минуту, прямо посреди работы, и давно стояли здесь на холодном сквозняке. Она машинально потянулась к Зоину локтю, собираясь отвести подругу от приоткрытой двери, но Зоя сдвинула папку и убрала руку. Жест был небольшой, почти незаметный, и от него Людмила растерялась сильнее, чем от первых слов. Она ещё надеялась, что речь идёт об обычной жалобе, которую просто решили высказать новой хозяйке немедленно.

— Доброе утро, — произнесла она, оглядев женщин. Голос прозвучал суше, чем хотелось, и Людмила заставила себя говорить медленнее. — Я сегодня первый день принимаю дела. Сейчас Галина откроет, посмотрим, что там с работами, кто должен был прийти.

— Какой первый день, Люд? — Зоя раскрыла папку, не дожидаясь продолжения, и вытащила сложенный пополам лист. На прозрачном пластике остался влажный след от её пальцев. — Деньги вы в феврале собрали. Нам сказали: заплатите сразу, будет скидка, и до марта проход приведут в порядок. Я заплатила, как просили, а теперь ты первый день?

Людмила взяла протянутый лист, придерживая его обеими руками, потому что бумага норовила сложиться по старому сгибу. Сначала она увидела Зоину фамилию, потом сумму и только после этого прочитала назначение платежа. Че-

тыреста тысяч рублей были внесены за торговое место на год, начиная с марта. Она ещё раз посмотрела на дату, надеясь обнаружить ошибку, но там совершенно отчётливо стояло семнадцатое февраля. В январской папке, с которой Людмила сидела перед окончательным разговором о разделе, у Зои значилась обычная ежемесячная оплата, и никаких изменений она не согласовывала.

— Это за какой год? — спросила она и сразу поняла, как нелепо прозвучал вопрос. Зоя коротко выдохнула через нос, а женщина с картоном отвернулась к окну. — Подожди. Ты действительно перечислила всю сумму сразу? До следующего февраля?

— Там написано, — ответила Зоя, постучав ногтем по нижней части листа. Ноготь был надломлен, и Людмила вспомнила, как подруга жаловалась на сухие руки от упаковочной бумаги, просила привезти ей хороший крем вместе с заказом для дома. — Мне на словах никто год не подарил. Я заплатила. И Лида заплатила, и Тамара. Мы потому и пришли, что уже хватит нас посылать друг к другу.

Геннадий оттолкнулся от подоконника и подошёл ближе, оставив между собой и Людмилой расстояние, на котором разговаривал с незнакомыми покупателями. Она успела заметить, что у него на шее тот самый тёмно-зелёный шарф, который выбирала ему позапрошлой осенью, долго прикладывая к пальто в магазине. Вероника шла следом и поправляла перчатку на узком запястье. Людмила знала её имя, ви-

дела фотографию, слышала достаточно, чтобы не спрашивать, кто эта женщина; всё равно живое присутствие любовницы оказалось неожиданно тяжёлым. Ещё осенью, на Людмилином пятидесятилетии, Геннадий поправлял ей воротник перед общей фотографией, и она теперь с неприятной ясностью вспомнила движение его руки. Вероника была здесь участницей разговора, для которой возле него заранее оставили место.

— Не надо делать удивлённое лицо, — сказал он негромко, так что женщинам пришлось чуть податься к нему. Геннадий умел говорить этим тоном, будто все сложные вопросы уже разобраны, а собеседнику остаётся только не мешать. — Люди внесли деньги, хозяйство ты получила, средства на работу тебе переданы. Им теперь важно понять, когда ты начнёшь выполнять обещанное. Я потому и приехал, что мне с утра звонят.

Людмила подняла на него глаза, продолжая держать Зину бумагу. Она слышала каждое слово, но не могла сразу соединить их с тем, что происходило в пятницу, когда они окончательно закончили раздел. Тогда Геннадий торопился, раздражался из-за очередного звонка и несколько раз повторил, что всё перечисленное в январе остаётся в силе. Людмила забрала свою папку, села в старую машину и некоторое время просто сидела за рулём, прежде чем завести двигатель. Никаких денег на содержание рынка он ей не передавал ни в тот день, ни раньше; на личный счёт тоже ничего подобного

не приходило.

— Какие средства ты мне передал? — спросила она, не отводя от него взгляда. Рука с квитанцией дрогнула, и Людмила опустила её, чтобы женщины этого не увидели. — Назови, когда. Мы с тобой здесь стоим, давай сразу разберёмся.

Геннадий слегка повёл плечом, как делал всякий раз, когда она задерживала его неудобным вопросом перед посторонними. Раньше Людмила обычно замечала этот жест и откладывала разговор, чтобы не выставить их обоих в неловком положении. Сейчас он смотрел на неё с тем же ожиданием, хотя рядом стояла другая женщина, а от Зои она только что слышала о четырёхстах тысячах, которых даже не знала. Вероника перевела взгляд с мужа на неё и поджала губы, словно Людмила нарушила какую-то очевидную договорённость. От этого захотелось заставить Геннадия повторить сказанное ещё раз, уже без привычной возможности уйти от ответа.

— Ты прекрасно знаешь, что получила при разделе, — произнёс он. Геннадий повернулся к Зое, будто дальнейшее объяснение предназначалось уже ей, а Людмила только мешала донести простую мысль. — Рынок, землю, квартиру. Я ничего у неё не отбирал. Все возможности работать есть, надо только заниматься делом.

— Квартира не оплачивает Зоин ремонт, — сказала Людмила и слышала, что голос стал громче. Она шагнула к нему, забыв о женщинах и о холодном воздухе из приоткры-

той двери. — Ты сейчас сказал, что передал мне деньги на рынок. Не квартиру, не землю. Деньги. Перестань лгать и ответь, где они.

Геннадий посмотрел на неё с усталым сожалением, которое она слишком хорошо помнила по семейным ужинам, когда он хотел показать Кире, кто из родителей опять заводит ссору. Людмила почти физически ощутила прежнюю неловкость: ещё немного, и ей придётся объяснять уже не его слова, а свой тон. Он даже выждал, пока за стеклянной дверью пройдёт человек с тележкой и все снова повернутся к ним. Потом угол его рта едва заметно дрогнул, и он заговорил с той снисходительной мягкостью, от которой у неё раньше начинали гореть щёки.

— Вот опять ты кричишь, — сказал Геннадий, чуть наклонив голову. Он окинул взглядом проход, мокрый картон, Зоину папку и вернулся глазами к Людмиле. — Базарной бабе — базар. Ты же всегда хотела вернуться к своим.

Несколько секунд Людмила не могла выговорить ничего, хотя ответов в голове было слишком много. Она помнила его за первым прилавком, в продуваемой куртке, с красными от холода пальцами, помнила, как он просил её поторговать ещё час, пока сам съездит за новой партией товара. Тогда ему нравилось, что она быстро сходится с покупательницами, умеет объяснить, подобрать, уговорить человека не уходить с пустыми руками. Он звал её, если начинался трудный разговор, и после закрытия пересчитывал заработанное на

их маленькой кухне. Сейчас Геннадий смотрел на неё так, будто никогда не стоял рядом, и Людмиле было особенно стыдно оттого, что она всё ещё ждала от него хотя бы смущения.

— Когда мы вдвоём здесь продавали, тебя всё устраивало, — наконец сказала она. Людмила почувствовала, как остыли пальцы, и осторожно сложила квитанцию, чтобы не порвать её по сгибу. — Ты сам просил меня выходить вместо тебя. Забыл?

— Людмила, давайте без этого, — вмешалась Вероника и положила ладонь Геннадию на рукав. Она говорила ровно, почти любезно, но смотрела на Людмилу с таким выражением, с каким делают замечание человеку, не умеющему вести себя в гостях. — Здесь люди ждут решения своих вопросов. Ваши отношения с Геной уже закончились, зачем сейчас возвращаться к тому, кто кому когда помогал?

Людмила перевела взгляд на её руку. Под манжетой пальто виднелась знакомая тёмная пуговица, которую она сама пришивала перед прошлой зимой, когда Геннадий собирался уехать и сердился, что всё приходится делать в последнюю минуту. От воспоминания стало жарко и неприятно, будто её застали за чем-то унижительным. Она не хотела рассказывать этой женщине ни о пуговице, ни о двадцати восьми годах, ни о том, сколько раз закрывала собой его раздражение перед людьми. Вероника всё равно услышала бы только жалобу бывшей жены, которая не желает смириться.

— Я спрашиваю про оплаченные места, — ответила Людмила, вернув квитанцию Зое. Теперь она старалась смотреть на бумагу и на подругу, потому что при взгляде на Геннадия снова сбивалось дыхание. — Зоя, мне нужна копия. И от остальных тоже. Я проверю, что было внесено и что осталось рынку.

— Ты только не начинай заново собирать, — быстро сказала Тамара, прижав мокрый картон к боку. Она была ниже остальных, и Людмила вдруг заметила, что женщина почти всё время смотрела не на неё, а на Геннадия, ожидая подтверждения. — Мы уже отдали. У меня таких денег второй раз нет.

— Мы Геннадию отдавали, — заметила Лида, стоявшая ближе к окну. Она поправила на плечах вязаную кофту и посмотрела на него уже без прежней готовности слушать. — Людмилы в тот день вообще не было. Может, сначала пусть покажет, что ей передал?

Геннадий резко повернул голову, но сразу сдержался. Людмила увидела это короткое движение и поняла, что Лидин вопрос ему не понравился гораздо больше её собственного. С бывшей женой можно было не считаться, можно было назвать её обиженной и крикливой; Лида говорила о своих деньгах и не собиралась выяснять, кто разрушил чужой брак. Однако остальные женщины уже переговаривались между собой, и Геннадий воспользовался этой заминкой, чтобы посмотреть на часы. Вероника чуть отступила к

выходу, словно их присутствие здесь и без того затянулось.

— Разбирайтесь, — сказал он, снова обращаясь ко всем сразу. Геннадий взял лежавшую на подоконнике тонкую папку, хотя за всё время так её и не раскрыл. — Я со своей стороны всё сделал. Людмила теперь хозяйка, ей и решать, как работать дальше.

— Подожди, — произнесла Зоя, но он уже поворачивался к Веронике. Подруга сжала папку обеими руками и посмотрела вслед ему, потом на Людмилу. — Гена, ты же обещал, что до марта всё закончите. Мы потому и согласились.

Он ответил ей что-то о том, что никто не отказывается от работы, но теперь вопросы надо обсуждать с новой владелицей. Людмила слышала его голос, пока он придерживал дверь для Вероники, видела, как та перешагнула через мокрый порог и подняла воротник. На секунду ей захотелось пойти следом, остановить его уже без свидетелей и потребовать ответа так, как требовала бы ещё полгода назад, когда он поздно возвращался домой. Она осталась на месте, потому что Зоя смотрела прямо на неё, а за спиной наконец звякнули ключи Галины. В проходе сразу стало теснее и шумнее, словно уход Геннадия лишил разговор единственного человека, который до сих пор придавал ему видимость порядка.

Галина открыла кабинет и пропустила женщин вперёд, придерживая дверь коленом. Людмила вошла последней, сняла сумку с плеча и поставила возле стола, но пальто снимать не стала: в комнате было холодно, от окна тянуло сы-

ростью. Здесь почти ничего не изменилось с января — тот же шкаф с покосившейся дверцей, тот же календарь над розеткой, на подоконнике несколько папок и пластиковый горшок, из которого торчали сухие стебли. Она помнила время, когда в этом кабинете невозможно было пройти между коробками и кто-нибудь обязательно грел чайник. Теперь женщины рассаживались молча, а Зоя осталась стоять у двери.

— За уже оплаченные месяцы второй раз денег не будет, — сказала Людмила, оглядев их. Она положила ладони на стол, почувствовав под пальцами вытертый край покрытия, и заставила себя не ускорять речь. — Мне нужны ваши квитанции. Кто может, пришлите фотографию, кто не может — принесите, Галина снимет копию. Я должна понять, на какой срок у кого оплачено.

— А до этого нам что делать? — спросила Тамара и наконец развернула свой картон. От него пахнуло мокрой бумагой, и на стол посыпались мелкие серые крошки. — Вот это стояло у стены. Я коробки подняла, а если бы не пришла в субботу пораньше, у меня бы полтовара так лежало. Нам же не квитанции сушить надо.

Людмила наклонилась к картону, потом посмотрела на Галину. Ей очень хотелось назвать день, к которому всё будет исправлено, хотя бы для того, чтобы женщины перестали ждать от неё невозможного ответа прямо сейчас. Она уже знала, как легко сказать «на этой неделе», передать вопрос Геннадию и дальше заняться тем, что он объявил более сроч-

ным. Несколько раз именно так и было, и Тамара, вероятно, помнила эти разговоры лучше неё. Людмила провела ладонью по краю стола, убирая мокрые крошки на лист ненужной бумаги, и не стала обещать дату.

— Сейчас пройдем и посмотрим, что можно сделать сегодня, — сказала она. Людмила повернулась к Галине, стараясь удержаться на самом простом и понятном. — Сначала надо убрать вещи от мокрой стены и закрыть проход там, где скользко. А по работам я отвечу, когда увижу, что уже заказано и кому платили.

Тамара недовольно поджала губы, но картон сложила. Лида спросила, можно ли прислать квитанцию вечером, когда сын поможет найти её в телефоне, и Людмила записала свой номер на обратной стороне старого объявления. Пока она писала, Зоя смотрела на её руку, и этот взгляд мешал больше всех остальных. Подруга знала её почерк, привычку дважды подчёркивать важную дату, знала, что в сумке у неё почти всегда лежит запасная ручка. Людмиле казалось, что достаточно остаться с ней вдвоём, назвать несколько простых вещей, и нынешнее отчуждение хотя бы немного отступит.

— Зой, задержись на минуту, — попросила она, когда Тамара и Лида поднялись. Людмила уже потянулась к чайнику, хотя даже не знала, есть ли в нём вода, и остановила себя на полпути. — Мне нужно с тобой поговорить. Ты же понимаешь, я впервые сегодня увидела эту оплату.

Зоя перевела взгляд на чайник, потом на открытый шкаф

за Людмилиным плечом. На лице у неё появилось что-то похожее на усталость, но Людмила не успела обрадоваться: подруга прижала папку теснее и взялась за дверную ручку. Раньше она никогда не уходила, не договорив, могла стоять на пороге ещё десять минут, вспоминая то одну мелочь, то другую. Теперь слова давались ей коротко, как будто она заранее решила, сколько времени можно потратить на этот разговор. Людмила вдруг поняла, что Зоя пришла не за объяснением, которому готова поверить, а за исполнением обещания, уже считая её человеком, который от этого обещания уклоняется.

— У меня покупатели, Люд, — сказала Зоя и приоткрыла дверь. Она помедлила, всё ещё держась за ручку, словно хотела добавить что-то более личное, но передумала. — Квитанцию я пришлю. Только ты учти, я не из лишних денег платила.

Галина дождалась, пока за дверью стихнут шаги, и начала складывать оставленные на столе листы. Людмила всё ещё стояла возле чайника и смотрела на пустую чашку с отбившимся краем. Ей хотелось сесть, закрыть глаза хотя бы на несколько минут и перестать чувствовать холодную тяжесть пальто на плечах. Вместо этого она расстегнула пуговицы, повесила пальто на крючок и спросила, где лежат остальные документы. Галина молча открыла нижний ящик, достала большую связку ключей и две папки, перетянутые широкой резинкой.

— Вот от кабинета, от ворот и от подсобки, — сказала она, разложив ключи на столе. Галина говорила без прежней поспешной приветливости, но и обвинения в её голосе не было; от этого Людмиле стало чуть легче слушать. — Те, что со старой красной меткой, не берите, они от закрытого ряда. Я подпишу остальные. И мне надо сразу спросить про февральскую оплату, потому что Геннадий сказал подождать, пока всё переоформится.

Людмила подняла голову. Она ожидала неприятностей с работами, могла представить недовольство торговцев, но почему-то до этой минуты была уверена, что хотя бы с людьми, которые каждый день открывают ворота и убирают проходы, муж рассчитывался. Галина не жаловалась и не пыталась напомнить о стаже; она просто стояла рядом с ящиком, держа в руках резинку от папок, и ждала ответа. В этом ожидании не было ничего, что Людмила могла бы списать на развод, ревность или чужое влияние. Она спросила, кому ещё не заплатили, и записала названные имена, стараясь не выдавать растерянности.

— Я пока не могу назвать день, — призналась Людмила, когда Галина закончила. Ей пришлось заставить себя посмотреть женщине в лицо, потому что хотелось спрятаться за раскрытой папкой и пообещать всё уточнить потом. — Сегодня проверю, какие деньги есть и что должно прийти. Завтра скажу тебе, как будем рассчитываться. Не хочу сейчас назвать срок и снова его сорвать.

Галина кивнула, но резинку из рук не выпустила. Людмила заметила, как та потёрла большим пальцем костяшку указательного, и поняла, что её осторожный ответ почти ничего не изменил. Для неё самой это был первый день после раздела, а Галина уже не первый раз выслушивала обещание разобраться завтра. На минуту стало так стыдно, что захотелось рассказать всё: как она доверилась январским сведениям, как подписывала бумаги, как выносила из дома сумки и не могла заставить себя ещё раз начать спор. Людмила промолчала, потому что Галина пришла на работу и должна была получить за неё деньги независимо от того, насколько тяжёлым оказался чужой развод.

Они прошли по действующему проходу, где под потолком гудели лампы, а у стены действительно стояли два ведра. Тамара показывала поднятые на табуретки коробки и рассказывала, как утром вытирала пол между покупателями. Людмила слушала, спрашивала, куда можно временно переставить товар, вместе с Галиной убрала от мокрого места пустой ящик, за который легко было зацепиться ногой. На другой стороне прохода торговали носками и домашней одеждой; женщина за прилавком поздоровалась с ней, но сразу отвела глаза. Людмила знала этот взгляд, сама не раз смотрела так на людей, о которых уже услышала неприятную историю и ещё не решила, можно ли спросить прямо.

Возле закрытого ряда было темнее и холоднее. За решёткой виднелись пустые полки, свёрнутый кусок покрытия и

стул, поставленный на стол сиденьем вверх. В январе Людмила тоже сюда заглядывала, обсуждала с Галиной, какие места можно будет постепенно вернуть в работу, и тогда всё выглядело трудным, но понятным. Действующие торговцы платят каждый месяц, лишние расходы убирают, свободные помещения приводят в порядок по одному — она умела работать так, без большой суммы сразу. Теперь за занятыми местами стояли люди, которым ещё год ничего не нужно было платить, а у пустых надо было сначала дать кому-то причину сюда прийти.

— Я вам осенью про этот угол писала, — негромко напомнила Галина, когда они повернули обратно. Она не смотрела на Людмилу, следя, чтобы не наступить в тёмную полосу воды у стены. — Вы тогда сказали, что с Геннадием поговорите. Я потом уже к нему ходила.

Людмила помнила то сообщение. Оно пришло, когда на оптовом складе не досчитались части заказа и она полдня провела на телефоне, а вечером Геннадий рассердился, что её опять занимают рыночные мелочи. Она действительно сказала Галине, что поговорит с мужем, потом передала ему фотографии и на этом остановилась. Сейчас Людмила не стала вспоминать вслух ни склад, ни усталость, ни его раздражение. Она попросила Галину прислать те снимки ещё раз, если они сохранились, и они некоторое время шли молча, слушая, как в соседнем проходе перекликаются продавцы.

У Зоиного места остановилась покупательница с девочкой лет восьми. Зоя развернула перед ними полотенце, предложила потрогать край, потом наклонилась к ребёнку и что-то спросила; девочка рассмеялась и спряталась за мать. Людмила помнила, как Кира точно так же пряталась за неё, когда незнакомые взрослые начинали задавать вопросы. Зоя тогда умела подойти без расспросов, показать пуговицу, дать поддержать моток ленты, и дочь сама выбиралась из-за Людмилиной спины. Подруга подняла глаза, заметила её возле прохода и сразу вернулась к покупательнице, аккуратно складывая полотенце по прежним сгибам.

До обеда Людмила несколько раз возвращалась в кабинет и снова выходила к людям. Кто-то приносил квитанцию без лишних слов, кто-то начинал рассказывать о своём платеже ещё на пороге, боясь, что его не запишут. Она отмечала полученные копии, спрашивала, что именно обещал Геннадий, и старалась не спорить с фразой «вы же сами всё согласовали», хотя от неё каждый раз сжимались плечи. Постепенно выяснилось, что муж разговаривал с торговцами сам, предлагал скидку, торопил с решением и ссылаясь на её согласие. Галине он тоже сказал, что Людмила знает о новых условиях и сейчас занята другими вопросами, поэтому беспокоить её с каждой оплатой не нужно.

Когда в кабинете наконец никого не осталось, Людмила открыла январскую папку. На полях одного листа были её собственные пометки: возле нескольких свободных мест сто-

или вопросительные знаки, рядом с действующим проходом она записала, что нужно проверить в первую очередь. Бумага хранила след того спокойного, почти делового состояния, в котором она ещё могла думать о рынке как о возможной будущей работе. После разговора о разводе Людмила цеплялась за эту возможность, потому что не хотела просить Геннадия ежемесячно решать, сколько ей дать на жизнь. Она выбрала то, что знала, и не заметила, что в последние недели он уже распоряжался этим выбором за неё.

Галина принесла список действующих мест и положила рядом. Восемнадцать были отмечены как оплаченные вперёд, у двенадцати оставался прежний ежемесячный порядок; мартовские поступления по ним ожидалось к десятому числу. На рабочем счёте после передачи хозяйства лежала сумма, которой не хватило бы даже на ближайшую оплату всем работникам. Людмила проверила это ещё раз, медленно переходя от одной записи к другой, хотя уже понимала, что ошибка не в чтении. Она видела перед собой занятые торговые места, слышала из прохода обычные голоса и звон тележки, но привычные ежемесячные деньги с большей части этих мест уже получил Геннадий.

— Мне завтра к кому подходить, если что-то срочное? — спросила Галина, когда Людмила закрыла папку. Она собирала со стола пустые чашки, и вопрос прозвучал почти буднично, будто речь шла только о расписании. — Он сказал, что по старым вопросам всё равно лучше ему звонить, чтобы

вас пока не нагружать.

Людмила некоторое время смотрела на ключи с красной меткой. Геннадий оставил за собой удобное право объяснять людям прошлое и одновременно возложил на неё все последствия, а теперь ещё предлагал Галине продолжать обращаться к нему. Она представила, как завтра снова приедет сюда и обнаружит у кабинета женщину, уже получившую от бывшего мужа новое обещание. Впервые за день злость помогла ей закончить мысль, не возвращаясь к обиде. Людмила придвинула ключи к себе и сняла со связки те, которыми предстояло пользоваться каждый день.

— Подходи ко мне, — сказала она Галине. Людмила выбрала свободный лист и записала номер, по которому её можно было найти в любое время работы рынка. — Если вопрос касается сегодняшней работы, решаем здесь. Что-то не помним или не знаем — проверим по бумагам, но обещания людям теперь будем давать сами.

Галина убрала лист в свою тетрадь и спросила, во сколько Людмила приедет утром. Та ответила, что будет после одной поездки, и поняла, что уже мысленно собирается в загородный дом, где ещё оставались её вещи. Ей предстояло увидеть Геннадия снова, без торговцев и мокрого картона, и спросить о деньгах так, чтобы он не мог перевести разговор на чужое недовольство. Пока Людмила не знала, что именно скажет, зато знала, что сегодняшний его ответ не может остаться единственным. Перед уходом она ещё раз попроси-

ла Галину собрать все новые квитанции и записать, кому и за какой срок задержана оплата.

К машине Людмила шла уже под вечер. На стоянке подтаял снег, и у водительской двери блестела широкая лужа; пришлось поставить ногу на узкую грязную полосу и неловко втянуть сумку следом за собой. В салоне было холодно, пальцы плохо слушались, когда она вставляла ключ. Раньше после тяжёлого дня можно было позвонить Геннадию, рассказать, кто снова подвёл и что никак не получается, даже если потом выяснялось, что он слушал вполуха. Людмила положила телефон на соседнее сиденье и дождалась, пока воздух из печки станет теплее, прежде чем тронуться.

В квартире пахло картоном и вчерашней едой, которую Кира принесла в небольшой кастрюле. Людмила поставила сумку на табурет, сняла пальто и долго не могла попасть рукавом на крючок, цепляя подкладкой соседнюю вешалку. На кухонном столе ещё лежала упаковка от сушилки для посуды; она собиралась убрать её утром, но поторопилась на рынок. Здесь всё было куплено или расставлено недавно, и рука по привычке тянулась не к тому ящику, когда понадобилась ложка. Людмила разогрела суп, села и только после первых нескольких глотков почувствовала, насколько голодна.

Телефон завибрировал возле хлебницы. Кира спрашивала, как прошёл день, и предлагала заехать завтра после работы, если мать будет дома. Людмила прочитала сообщение дважды, удерживая ложку над тарелкой, потом отложила её

и набрала, что будет ждать. Она не могла сейчас изложить случившееся несколькими строчками и не хотела начинать разговор по телефону, когда дочь, вероятно, ехала домой. На вопрос, нужно ли что-нибудь купить, попросила хлеба и яблок, а потом добавила, чтобы Кира не торопилась и спокойно закончила свои дела.

После ужина Людмила освободила стол и разложила бумаги так, как привыкла делать перед трудной работой. Слева лежали январские сведения, справа — сегодняшние копии, посередине она оставила место для записей. В квартире было непривычно тихо: никто не включал телевизор в соседней комнате, не спрашивал, когда она закончит, не проходил за её спиной, мельком заглядывая через плечо. Ещё неделю назад она думала, что такая тишина поможет ей прийти в себя. Теперь слишком отчётливо слышалось, как шуршит каждый лист, и Людмила несколько раз вставала налить воды, хотя пить не хотелось.

Она находила знакомые фамилии и переносила рядом новые сроки. У одной торговки в январе стояла ежемесячная оплата, а в февральском подтверждении — сразу год; у другой условия были изменены за несколько дней до окончательного раздела. Геннадий собирал деньги в то время, когда Людмила паковала вещи, передавала последние вопросы по оптовым заказам и старалась не начинать дома разговоров, после которых они оба до ночи ходили из комнаты в комнату. Он видел, как она готовится уйти, отвечал на её вопросы

о рынке и продолжал ссылаться на уже обсуждённое. Теперь Людмила могла расположить эти дни по порядку и вспомнить, где сама была, пока он разговаривал с Зоей и остальными.

В один из тех вечеров она даже спросила, не нужно ли ей приехать раньше и самой поговорить с людьми. Геннадий ответил, что сейчас это только запутает работу: сначала закончат раздел, потом она спокойно примет всё у Галины. Людмила помнила, как облегчённо согласилась, потому что не хотела объяснять знакомым женщинам, почему муж остаётся в доме с другой. Она думала, что он хотя бы в этом старается избавить их от лишней неловкости. Сидя перед сегодняшними квитанциями, Людмила долго держала ручку над листом и наконец положила её, так ничего и не записав.

Ближе к десяти пришло сообщение от Зои. На фотографии лежала исписанная от руки страница, прижатая к столу краем знакомой папки; Людмила увеличила изображение и узнала почерк подруги ещё до того, как прочитала имя. Зоя подтверждала, что взяла у сестры четыреста тысяч рублей для оплаты торгового места на год, и обещала возвращать частями. Внизу стояла та же февральская дата, что и на утренней квитанции. Людмила смотрела на слова о сестре и вдруг вспомнила, как Зоя однажды возмущалась из-за чужой просьбы одолжить крупную сумму, повторяя, что с родными из-за денег ссориться страшнее всего.

Следом появились ещё две строчки. Зоя написала, что

Геннадий обещал закончить работы до марта, а сестру она убедила, сказав, что Людмиле можно доверять. Людмила медленно опустила телефон на стол, рядом с январской папкой, и какое-то время сидела, не касаясь ни его, ни бумаг. Потом снова открыла фотографию, сохранила её вместе с квитанциями и начала отвечать подруге, стараясь подобрать слова, которые не прозвучат очередной просьбой потерпеть. Она написала, что денег от Геннадия не получала, что увидела расписку и что повторной оплаты с Зои не будет; сообщение было прочитано почти сразу, но ответа Людмила в тот вечер так и не дождалась.

Глава сохранена отдельным файлом: . Следующая глава продолжит события со следующего утра.

Глава 2. За что я должна тебя благодарить

В прихожей стояли три больших пакета, затянутых так туго, что из одного наружу торчал рукав Людмилиного кардигана. Она узнала его ещё с порога: тёмная шерсть, узкая кожаная полоска возле кармана, маленькая затяжка на манжете, которую всё собиралась убрать. Вероника открыла дверь в домашних брюках и светлой рубашке, с закатанными до локтей рукавами, и сразу отступила, указывая на приготовленное. Из кухни пахло кофе, в глубине дома негромко работал телевизор. Людмила задержалась на коврикe, вытирая подошвы дольше, чем было нужно, потому что не могла отвести глаз от кардигана, зажатого между стенкой пакета и узлом.

— Я тут собрала, чтобы вы не тратили время, — сказала Вероника, прикрыв за ней дверь. Она посмотрела на сумку в Людмилиной руке, затем на пакеты и слегка сдвинула один ногой, освобождая проход. — Одежда в основном наверху была. Остальное тоже посмотрела, там много ненужного, но я пока не выбрасывала.

Людмила поставила сумку на знакомую скамейку и присела перед пакетом. Узел не поддавался, пришлось подцепить край ногтем и потянуть с силой, пока плотный пластик

не растянулся. Под кардиганом лежали туфли, одинокая вешалка и светлая блузка, которую она оставляла в чехле, чтобы забрать отдельно. Теперь чехла не было, а на рукаве отпечаталась подошва. Людмила осторожно вытащила туфлю, поставила рядом с собой и подняла голову; Вероника наблюдала за ней с вежливым нетерпением, словно заранее выполненная работа почему-то не вызвала ожидаемой благодарности.

— Больше ничего не собирайте, — сказала Людмила. Она достала блузку целиком, расправила на коленях и попробовала стряхнуть тёмный след, хотя было件нятно, что сейчас это бесполезно. — Я сама разберу свои вещи. Где чехлы, в которых висела одежда?

— Наверное, там, в гардеробной, — ответила Вероника и оглянулась в сторону кухни. Её голос стал холоднее, но она продолжала говорить так, будто обсуждали небольшое бытовое неудобство. — Вы могли раньше приехать. Мне тоже нужно куда-то положить своё, нельзя же бесконечно держать всё в сумках.

Людмила встала с блузкой в руках. Ещё вчера утром она хотела просто быстро забрать оставшееся и не задерживаться в доме, где теперь жила другая женщина. После разговора на рынке ей казалось, что самым трудным будет добиться ответа от Геннадия, а вещи можно собрать как-нибудь между делом. Теперь приходилось объяснять незнакомому человеку, почему её одежду нельзя бросать вместе с обувью. Она

положила блузку на скамейку, сняла пальто и аккуратно повесила его на свободный крючок, прежде чем повернуться к Веронике.

— Я сказала, что приеду сегодня, — произнесла Людмила. Она старалась не повышать голоса, хотя от Вероникиной ровной любезности всё сильнее напрягалась шея. — Если что-то мешало, можно было позвонить. Пожалуйста, покажите, что вы ещё убрали.

Вероника пошла на кухню, и Людмила двинулась следом. На знакомом столе стояла высокая стеклянная ваза, которой раньше здесь не было; коробка с чаем переместилась к окну, а сушилка для посуды исчезла совсем. Возле двери в кладовую лежал открытый пакет с кухонными полотенцами и несколькими мелкими вещами. Людмила увидела среди них прихватки, старую деревянную подставку и небольшую синюю чашку, которую Кира привезла ей из школьной поездки. Чашка лежала боком, ручкой под свёрнутой салфеткой, и Людмила сразу вынула её, проверяя пальцем край.

— Это тоже вы собирались выбросить? — спросила она, подняв чашку так, чтобы Вероника её увидела. На донышке сохранилась маленькая неровность глазури, которую Кира когда-то пыталась стереть, прежде чем вручить подарок. Людмила провела по ней большим пальцем и почувствовала, что сейчас может сказать гораздо больше, чем собиралась. — Это моё. И вот эти полотенца тоже, я их сама вышивала.

— Я же сказала, пока ничего не выбросила, — ответила

Вероника. Она стояла у столешницы, придерживая ладонью край открытого ящика, и уже не пыталась скрыть раздражение. — Здесь целые шкафы старого. Я не могу знать, что у вас за история с каждой чашкой.

Геннадий вошёл со стороны гостиной, держа телефон в руке. На нём был домашний джемпер, который Людмила помнила выцветшим на локтях, и от этого привычного вида на секунду стало совсем тяжело: она слишком много раз встречала его на этой кухне, чтобы сразу воспринимать как постороннего. Он посмотрел на чашку, потом на пакет у двери и коротко вздохнул. Вероника тут же закрыла ящик, словно его появление избавляло её от необходимости дальше объясняться. Людмила осталась стоять возле кладовой с чашкой в одной руке и сложенным полотенцем в другой.

— Ну забери, если тебе нужно, — сказал Геннадий, убирая телефон в карман. Он подошёл к столу, отодвинул стул и сел, даже не спросив, хочет ли Людмила присесть. — Зачем из-за этого начинать? Вероника не знала, что тебе оставлять, что нет.

Людмила положила полотенце на чистый край стола и поставила чашку сверху. Ей хотелось напомнить, как Кира вручала её после поездки, как сам Геннадий смеялся над кривоватой ручкой и говорил, что теперь у мамы будет отдельная посуда для хорошего настроения. Но тогда пришлось бы снова просить его вспомнить то, что он прекрасно помнил и без её помощи. Людмила придвинула к себе второй стул и села,

оставив между ними незанятый угол. Её удивило собственное желание поправить лежавшую возле его локтя крошку салфетки; она сцепила руки под столом и не стала этого делать.

— Где деньги, которые люди заплатили за год? — спросила она. После сумок и чашки вопрос прозвучал резко, но Людмила была рада, что наконец произнесла его без длинного объяснения. — Вчера ты сказал при всех, что передал их мне. Я хочу знать, когда и каким образом.

Геннадий посмотрел в сторону Вероники. Та осталась возле столешницы и начала переставлять чашки, хотя две из них только что стояли в другом порядке и никому не мешали. Людмила ждала, что он попросит её выйти, но этого не произошло. Мужу было удобно говорить при ней: любая Людмила вспышка подтверждала то, что он, вероятно, уже рассказывал о бывшей жене. Людмила заставила себя смотреть только на него и повторила вопрос, на этот раз назвав Зоину оплату и дату.

— Мы всё разделили, — ответил Геннадий. Он положил ладони на стол и чуть подался вперёд, принимая знакомый вид человека, которому приходится объяснять одно и то же. — Ты получила то, что выбрала. Теперь что, будем заново считать, кто за все эти годы сколько заработал?

— Я не про все годы спрашиваю, — сказала Людмила. Она вынула из сумки сложенную копию квитанции и положила перед ним, не подталкивая ближе. — Семнадцатого

февраля Зоя заплатила за место до конца следующей зимы. В январе мы с тобой обсуждали другое, и в пятницу ты ничего об этом не сказал. На что теперь содержать рынок?

— Так содержи, — произнёс он, мельком взглянув на бу-магу. Геннадий потёр ладонью щёку, словно разговор уже успел его утомить. — У тебя целое хозяйство. Земля, помеще-ния. Ты же всегда уверяла, что знаешь, как там надо ра-ботать.

Людмила помнила, как уверяла. Это было не за один ве-чер и не в виде красивого обещания, которым теперь мож-но попрекнуть: она предлагала изменить часы, позвать ма-стеров в пустующие места, привести в порядок вход, спра-шивала, почему откладывают простые вещи. Геннадий отве-чал, что рынок сейчас приносит одни хлопоты и ей лучше заниматься заказами, где от её присутствия есть толк. В ян-варе он сам предложил оставить ей «Старые ряды», напоми-нив, что она давно этого хотела. Людмила тогда впервые за несколько тяжёлых недель смогла представить себе работу после развода и потому особенно внимательно пересматри-вала сведения о действующих местах.

— Я собиралась работать с тем, что ты показал в январе, — ответила она. Людмила заметила, что Вероника перестала переставлять посуду и теперь слушает, опираясь на столеш-ницу. — После этого ты собрал деньги вперёд. Люди больше не должны платить, а зарплату им никто не отменил, свет тоже. Почему я узнала об этом от Зои вчера утром?

— Потому что тебе удобнее сейчас изображать, будто ты ничего не понимала, — сказал Геннадий и отодвинул квитанцию краем ладони. Он не повысил голос, но в движении появилось раздражение, которое Людмила раньше принимала за признак собственной неправоты. — Не справляешься — продавай. Я тебе не запрещаю. И хватит делать вид, что я оставил тебя на улице.

Он перечислил квартиру, машину, рынок с землёй, задерживаясь на каждом слове, как будто Людмила могла забыть о полученном имуществе. Она слушала и постепенно переставала ждать, что после этого перечня появится ответ на заданный вопрос. Ему достаточно было говорить об общем разделе, чтобы любое её требование выглядело новой попыткой получить больше. Вероника подошла к окну и повернулась к ним боком, оставляя Геннадию весь стол и всё пространство разговора. Людмила посмотрела на квитанцию возле его руки и убрала её обратно в сумку.

— Я мог вообще оставить тебе меньше, — добавил Геннадий, заметив это движение. Он откинулся на спинку стула, словно наконец добрался до самого существенного. — А ты вместо спасибо ходишь по людям и выставляешь меня непонятно кем. Вчера на рынке уже всем устроила.

Людмила медленно подняла на него глаза. Вчера она не знала о предоплате, не созывала торговцев, не приглашала Веронику и не выбирала разговор у закрытого кабинета, но он уже рассказывал случившееся так, будто всё это органи-

зовала она. На кухне было тепло, у окна стояла новая ваза, за дверью продолжал работать телевизор, и среди этого обычного домашнего порядка ей вдруг стало совершенно ясно, что Геннадий готов говорить так сколько угодно. Ему не нужно было, чтобы она поверила. Он рассчитывал, что ей станет стыдно продолжать.

— За что я должна тебя благодарить? — спросила Людмила. Она держала ладонь на застёжке сумки и чувствовала под пальцами холодный металлический край. — За то, что ты вчера назвал меня воровкой перед Зоей? Или за то, что сейчас даже не отвечаешь, где деньги?

— Я тебя воровкой не называл, — быстро произнёс Геннадий. Он наклонился вперёд, и Людмила увидела, как охотно он ухватился за слово, которого действительно не производил. — Вот не надо мне приписывать. Ты сама всё доводишь до крайности, а потом обижаешься.

Она ещё несколько секунд смотрела на него, потом встала. Стул задел ножкой плитку, и Вероника повернулась от окна, явно ожидая продолжения. Людмила взяла чашку, завернула её в полотенце и сказала, что пойдёт собирать одежду. Геннадий ничего не ответил, только снова достал телефон. Ей было больно именно от этой лёгкости: он мог закончить разговор одним движением, оставив ей и мокрые коробки торговцев, и Галин expectant взгляд, и необходимость объяснять всем, что она не получила никаких денег.

Наверху дверцы гардеробной были распахнуты, а её вещи

сдвинуты на одну сторону. На освободившихся полках лежали аккуратные стопки светлого белья, висели несколько платьев в тонких чехлах; Людмила старалась не смотреть на них дольше, чем требовалось, чтобы найти своё. Она достала оставшийся плотный чехол, повесила в него блузки и жакет, отдельно сложила кардиган, который принесла из прихожей. Руки постепенно перестали дрожать от простых повторяющихся движений. Здесь ещё пахло знакомым средством для белья, и от этого временами возникало нелепое ощущение, будто она просто собирается в поездку и потом вернётся разбирать шкаф дальше.

В нижнем ящике нашёлся мамин платок, завёрнутый в тонкую бумагу. Людмила вытащила его, проверила, не зацепилась ли бахрома за край, и положила в свою сумку, поверх квитанций. Рядом лежала старая коробочка с запасными пуговицами, которую она оставила: часть вещей Геннадия ещё могла потребовать починки, и она вдруг рассердилась на себя за то, что даже сейчас продолжает об этом думать. Людмила закрыла ящик, взяла приготовленное и отнесла к лестнице. Спускаться с одеждой на плече было неудобно, но просить Веронику помочь она не стала.

В маленькой комнате возле кладовой стояли коробки с семейными альбомами и Кириными школьными вещами. Их перенесли сюда ещё до развода, когда разбирали верхний шкаф, и на одной крышке Людмила узнала Геннадиеву надпись про фотографии его родителей. Она открыла две короб-

ки, убедилась, что сверху лежит то же, что раньше, и достала тонкий альбом со своими детскими снимками. Остальное принадлежало их общей жизни: Кира на школьных праздниках, старые поездки, родственники, которых давно не было. Увезти всё сразу, не спросив дочь и не разобрав, кому что нужно, Людмила не хотела, а в новой квартире пока негде было даже нормально поставить привезённое.

— Эти коробки мы с Кирой заберём после разбора, — сказала она Геннадию, позвав его к лестнице. Людмила нашла маркер и крупно подписала две крышки, чтобы их не приняли за вещи на выброс. — Здесь её школа, альбомы, ваши с ней фотографии. Пусть пока стоят в сухой комнате. Если понадобится переставить, позвони мне.

— Стоят и стоят, — ответил Геннадий, остановившись на нижней ступеньке. Он посмотрел на надписи и кивнул в сторону коробки со снимками своих родителей. — Только эту не увози. Там мои старые фотографии тоже, я потом посмотрю.

Вероника вышла из кухни с телефоном и спросила, долго ли ещё придётся держать здесь чужие вещи. Геннадий сказал, что альбомы можно оставить, они никому не мешают, и в его голосе наконец прозвучала та определённость, которой Людмила не смогла добиться для своей одежды. Она не стала спорить из-за слова «чужие», закрыла крышки и подвинула коробки к стене. Ей хотелось поскорее выйти на воздух, но оставалось собрать пакеты из прихожей и проверить, не за-

была ли она что-нибудь наверху. Людмила прошла по комнатам ещё раз, уже без попытки задержать взгляд на знакомых местах.

Когда она несла последний пакет, Геннадий придержал входную дверь. Людмила остановилась возле порога, перехватила ручки поудобнее и увидела, что он ждёт возможности сказать ещё что-то без Вероники. На улице подмораживало, от ступеней тянуло холодом, и ей приходилось стоять боком, чтобы пакет не задевал косяк. Геннадий смотрел на приготовленные у машины вещи с недовольством, как будто их количество подтверждало, что она забирает слишком много. Потом он перевёл глаза на неё и заговорил тише.

— Ты хоть понимаешь, чего добиваешься? — спросил он. Геннадий потянул дверь на себя, прикрывая их от тёплого воздуха прихожей. — Если начнёшь из меня всё вытаскивать, мне самому жить будет негде. Тебе этого хочется?

— У тебя квартира есть, — ответила Людмила. Она уже поставила пакет на ступеньку и теперь смотрела на него спокойно, потому что эту часть их жизни знала слишком хорошо. — Та, которую ты ещё до свадьбы купил. Она никуда не делась, Гена.

Он недовольно дёрнул щекой и сказал, что Людмила прекрасно понимает, о чём речь. Она не стала уточнять, чем небольшая квартира хуже её нынешней, и не принялась перечислять, что у него осталось. Подняла пакет, дошла до машины и уложила его на заднее сиденье, рядом с одеждой в

чехле. Геннадий вернулся в дом раньше, чем она закрыла багажник. Людмила несколько мгновений стояла, глядя на входную дверь, затем села за руль и положила руки на холодный обод, дожидаясь, пока сможет ехать без торопливости.

На рынок она приехала ближе к полудню. Галина встретила её у кабинета, заметила одежду на заднем сиденье через стекло машины и ничего не спросила, только придержала дверь, пока Людмила доставала сумку. На столе уже лежали новые копии квитанций и лист с именами тех, кому задержали оплату. Рядом Галина поставила чашку чая, не предлагая сначала рассказать о поездке. Людмила села и несколько минут просто пила, чувствуя, как горячая кружка постепенно согревает пальцы.

Они начали с того, что нельзя было откладывать: оплата людям, уборка, свет и содержание действующего прохода. Галина приносила отдельные записи, объясняла, что требуется каждый месяц, а что Геннадий несколько раз переносил под обещание большого ремонта. Людмила задавала вопросы, иногда возвращалась к уже названному и просила показать, почему одна сумма повторяется в двух местах. Постепенно перед ней возникало хозяйство, в котором можно было принимать небольшие, понятные решения. Оно не становилось от этого благополучным, но переставало выглядеть сплошным перечнем чужих требований, на которые у неё нет ответа.

Двенадцать торговцев продолжали платить ежемесячно, и

эти поступления закрывали значительную часть обычных расходов. Восемнадцать человек уже внесли деньги за год; требовать с них заново Людмила не собиралась. Дорогие работы в закрытом ряду пришлось отложить, а на ближайшее время оставить только то, что позволяло людям безопасно торговать в действующей части. Они с Галиной нашли несколько свободных помещений, где хватило бы уборки и небольших исправлений, чтобы показать их новым арендаторам. Людмила записала, с каких мест начнут, и впервые за утро почувствовала, что может закончить хотя бы один разговор конкретным решением.

— На первые недели всё равно не хватает, — сказала Галина, придвинув к ней лист. Она говорила осторожно, будто боялась разрушить то небольшое облегчение, которое появилось между ними во время работы. — Даже если все двенадцать заплатят вовремя. А люди уже ждут.

Людмила посмотрела в окно, откуда был виден край её машины. На заднем сиденье лежал чехол с одеждой, светлая ткань чуть выступала из-под тёмного пакета. Ещё утром машина казалась последним удобством, которое помогало спокойно переносить вещи из одного дома в другой и не просить никого о помощи. Теперь она мысленно сопоставила её возможную цену с тем, что лежало на столе. Остаться без транспорта было страшно, но продавать квартиру, в которой она только начала устраиваться, Людмила не могла даже заставить себя всерьёз обдумать.

— Машину выставлю, — сказала она после паузы. Людмила вернулась взглядом к Галине и придвинула лист ближе, чтобы ещё раз проверить ближайшие расходы. — Сначала узнаю, сколько за неё дадут. Если продаж на этой неделе, сможем начать рассчитываться с задержанным и сделать необходимое в проходе.

Галина ничего не ответила сразу. Потом спросила, на что сама Людмила собирается жить, пока рынок не начнёт приносить больше, и от этого простого вопроса та почувствовала неожиданную неловкость. Она уже успела мысленно отдать сюда всю возможную выручку, как будто еда, квартира и собственные обычные расходы перестали существовать. Пришлось взять ещё один лист и записать то, что до этой минуты казалось почти неприличным учитывать рядом с чужой задержанной оплатой. Они договорились, что часть денег Людмила оставит себе, а в хозяйство внесёт определённую сумму, которую потом сможет вернуть, когда это станет возможным.

К вечеру она выгрузила вещи в квартире и поставила чашку из школьной поездки Киры на пустую полку. На блузке всё ещё темнел след от подошвы; Людмила замочила её в тазу, развесила то, что можно было убрать сразу, и оставила остальное на диване. Она успела только переодеться, когда в дверь позвонила дочь. Кира вошла с хлебом, яблоками и контейнером еды, который держала прижатым к груди, чтобы крышка не открылась. Увидев пакеты, она остановилась

и спросила, кто так сложил одежду.

— Вероника помогла освободить шкаф, — ответила Людмила. Она хотела произнести это без раздражения, но на последнем слове голос всё-таки сорвался. — Обувь туда же положила. Я сейчас разберу, ты проходи, у тебя руки заняты.

Кира поставила покупки на кухне и вернулась к дивану. Она достала кардиган, узнала его, посмотрела на мать, но вместо расспросов начала освобождать пакет дальше. Людмила присела рядом, подавая ей вешалки, и некоторое время они молча раскладывали одежду. Дочь приехала прямо после работы, на блузке возле воротника осталась складка от ремня сумки, волосы были небрежно собраны на затылке. От этой обычной усталости Людмиле стало особенно трудно начинать разговор: ей хотелось накормить Киру, спросить о её дне и хотя бы на вечер оставить всё остальное за дверью.

— Мам, что случилось на рынке? — спросила Кира, повесив очередную блузку. Она села на край дивана и посмотрела на мать уже внимательнее. — Ты вчера ответила так, будто очень не хотела говорить. А сегодня я спрашиваю про вещи, и ты опять сразу начинаешь что-нибудь убирать.

Людмила рассказала сначала про Зоину квитанцию, потом про остальных торговцев и про то, что Геннадий сказал у кабинета. Дочь несколько раз переспросила о сроках, взяла лежавшую на столе копию и долго смотрела на сумму. Людмила заметила, как Кира перестала поправлять съехавший рукав и замерла в неудобной позе, словно движение

могло помешать понять услышанное. Когда пришлось повторить слова о базарной бабе, Людмила отвела глаза и начала расправлять пустой пакет. Кира забрала его из её рук, сложила и положила на пол, чтобы мать наконец перестала занимать пальцы.

— Он при Зое так сказал? — спросила дочь. Голос у неё стал низким и напряжённым, совсем не похожим на тот, которым она только что здоровалась в прихожей. — И при других людях? А Зоя что?

— Зоя думает, что я деньги получила, — ответила Людмила. Она смотрела на край дивана, где светлая нитка выбилась из шва, и не сразу смогла продолжить. — Она у сестры заняла на эту оплату. Вчера прислала расписку, написала, что за меня поручилась. А я даже не знала, что он им год вперёд предложил.

Кира поднялась, сходила на кухню за водой и поставила стакан возле матери. Людмила поблагодарила, но пить не стала; ей было стыдно, что дочь уже смотрит на неё с тревогой и, наверное, пытается понять, как можно было не заметить такого. Она сама весь день задавала себе этот вопрос. В январе проверила то, что ей показали, поговорила с Галиной о пустующих местах, а в феврале слишком охотно согласилась, что на рынок пока ездить не надо. Ей хотелось закончить раздел без новых унижений, и теперь об этом предстояло сказать вслух.

— Я последние недели не проверила, — призналась Люд-

мила. Она взяла стакан обеими руками и почувствовала, что вода холоднее, чем ожидала. — Поверила, что ничего не изменилось. Он всё время торопил с вещами, с передачей дел, говорил, что опять я за старое хватаюсь. Мне уже хотелось просто уйти и перестать каждый день выяснять, что со мной не так.

Дочь села ближе, осторожно положив ладонь ей на предплечье. Людмила не сразу посмотрела на неё, потому что боялась услышать утешение, после которого станет ещё стыднее. Но Кира не сказала, что мать всё сделала правильно, и не принялась объяснять, как давно сама не доверяет отцу. Она спросила, какие сведения есть сейчас, и Людмила показала январскую папку, новые копии и записи Галины. Пока они раскладывали листы, рассказывать стало легче: у каждого неприятного вывода появлялся свой день и свой конкретный разговор, вместо одного мучительного ощущения, что её удалось обмануть во всём сразу.

— Ты сегодня у него спросила? — тихо уточнила Кира, вернув квитанцию на стол. Людмила кивнула и коротко пересказала разговор на кухне, уже без попытки смягчить сказанное. Дочь прижала губы и некоторое время молчала, потом провела ладонью по раскрытой папке, выравнивая листы. — Я не понимаю, как он может говорить, что ты должна его благодарить. Он же знает, что ты этих денег не видела.

— Знает, — ответила Людмила. Впервые за день она произнесла это без объяснений, и оттого стало особенно больно.

— Он там сидел напротив меня, на нашей кухне. Даже не пытался разобраться, что я спрашиваю. Как будто главное, чтобы я наконец замолчала.

Кира обняла её неловко, сбоку, потому что между ними ещё лежала папка. Людмила прижалась щекой к дочериному виску и почувствовала знакомый запах шампуня, тёплые волосы, край воротника под ладонью. Слезы пошли внезапно, без того напряжения, которым она удерживала их у Геннадия, и несколько минут Людмила не могла ничего сказать. Кира не торопила её, только подвинула папку, чтобы та не упала, и сидела рядом. Когда мать наконец выпрямилась, дочь протянула ей салфетку и спросила, где можно разогреть принесённую еду.

За ужином они говорили уже не только о рынке. Кира рассказала о затянувшемся рабочем дне, о человеке, который трижды менял своё решение и каждый раз делал вид, будто остальные сами всё неправильно поняли. Людмила слушала, задавала вопросы и постепенно начинала различать вкус еды, хотя сначала ела почти машинально. Ей было важно, что дочь не превратила весь вечер в наблюдение за её состоянием. Она могла быть расстроенной и всё равно оставаться матерью, которой рассказывают обычные неприятности, а не только человеком, которого сегодня надо спасать.

После ужина Кира достала телефон и нашла контакт Натальи, юриста, которую ей посоветовала коллега. Людмила сразу спросила, не знакома ли та с Геннадием, и дочь пока-

чала головой: рекомендация не имела отношения ни к рынку, ни к их прежнему кругу. Они отправили короткое сообщение с просьбой о консультации, и Наталья ответила, что может поговорить несколько минут сейчас, а документы посмотреть на встрече. Людмила сама набрала номер, отойдя к окну. Кира осталась у стола, складывая чашки, и не пыталась говорить вместо неё.

Наталья выслушала без поспешного обещания, что всё можно быстро вернуть. Спросила, кто управлял рынком, когда люди внесли оплату, какие сведения Людмила получила перед передачей и к чему имеет доступ теперь. Людмила отвечала, иногда сверяясь с папкой, и впервые разговаривала об этом с человеком, который не предлагал сначала понять Геннадия или оценить, сколько имущества он ей оставил. Наталья объяснила, какие бумаги нужно принести, сказала, что при подтверждении обстоятельств будет основание требовать возврата средств, и отдельно предупредила, что разобраться за один вечер не получится. Работа могла оплачиваться по этапам, поэтому Людмиле не требовалось немедленно отдавать большую сумму, которой у неё не было.

Когда разговор закончился, Кира уже вымыла посуду и складывала пустые пакеты. Людмила записала время встречи и сказала дочери, что собирается продать машину. Кира подняла голову, посмотрела на лежавшие возле двери ключи и спросила, нельзя ли пока обойтись без этого. Людмила показала ей расчёт ближайших расходов, объяснила, какую

часть оставит на собственную жизнь, и не стала уверять, будто решение далось легко. Дочь помолчала, потом предложила помочь с фотографиями для объявления, если мать действительно всё обдумала.

На следующий день Людмила встретилась с Натальей, передала копии и договорилась о дальнейшей работе. После обеда освободила машину от вещей, вынула из кармана сиденья старый зонт и пакет с дорожными салфетками, протёрла переднюю панель. Кира помогла выбрать фотографии, а Людмила сама отвечала тем, кто звонил по объявлению, называя известные ей недостатки и время, когда можно приехать. От некоторых предложений приходилось отказываться: люди рассчитывали, что ей нужно продать немедленно и она согласится на любую цену. Она возвращалась после этих разговоров к обычным делам рынка, чтобы не сидеть целый день с телефоном в руках.

Покупательница приехала в четверг вместе с мастером, которому доверяла. Машину искали для взрослой дочери, и женщина внимательно спрашивала о том, что Людмила могла объяснить без чужой помощи: как заводится в холод, когда меняли необходимое, что давно просится в ремонт. Осмотр занял больше времени, чем она ожидала, но торг закончился на пятистах сорока тысячах, и Людмила согласилась. Когда всё было оформлено, она забрала оставшийся в салоне зонт, передала ключи и ещё раз показала, как закрывается капот. Покупательница поблагодарила её, а Людмила

отошла к краю стоянки, придерживая сумку и не зная, куда деть руку, которая по привычке искала ключи в кармане.

Домой она возвращалась с пересадкой. В автобусе было тесно, зонт мешал, и приходилось держать его вертикально между коленями, пока над головой покачивалась чужая хозяйственная сумка. Людмила смотрела в запотевшее окно и думала о том, что завтра придётся выйти раньше, чтобы успеть на рынок. Жалеть себя в этот момент было легче, чем утром, когда она показывала машину, но дома её ждали записи Галины и назначенные платежи. Она достала телефон, проверила поступление ещё раз и написала администратору, что продажа состоялась.

Из полученного Людмила оставила сто сорок тысяч на свою жизнь в ближайшие месяцы, остальное внесла на рабочий счёт рынка. Вместе с Галиной они заранее обозначили, что это её личные деньги, переданные хозяйству, и сумма сохранилась в учёте отдельно от платежей торговцев. Теперь можно было начинать рассчитываться с задержанной оплатой и выполнять ограниченный перечень необходимых работ, не трогая запас, оставленный на квартиру и еду. Людмила несколько раз пересмотрела остаток на личном счёте, прежде чем закрыть телефон. Ей всё ещё казалось, что она должна отдать больше, но возвращаться к решению, после которого самой нечем будет жить, она не стала.

Геннадий позвонил, когда она сидела за кухонным столом и отмечала рядом с ближайшими расходами, что уже

обеспечено. Его имя появилось на экране так привычно, что Людмила сначала потянулась ответить, не успев вспомнить последние дни. Потом положила ручку, отодвинула листы и приняла звонок. На другом конце было тихо, и по голосу она поняла, что он находится один. Геннадий спросил о машине, объяснив, что видел объявление, а теперь оно исчезло.

— Продала, — ответила Людмила, глядя на оставшийся возле двери зонт. Ей не хотелось рассказывать ему ни о покупке зонта, ни о поездке в автобусе, ни о том, как трудно было согласиться с ценой. — Деньги на первые расходы внесла. Я сейчас занята расчётами, ты по какому вопросу?

— Вот об этом и хотел поговорить, — сказал Геннадий. Он говорил мягче, чем на кухне, и Людмила невольно выпрямилась, узнавая интонацию, с которой он обычно предлагал закончить неприятную ссору. — Ты уже машину продаёшь, дальше что? Я могу тебе каждый месяц тридцать тысяч давать. На жизнь будет, не придётся так выворачиваться.

Людмила некоторое время молчала. Она только что оставила себе ограниченный запас, считала каждую ближайшую выплату и знала, насколько удобнее было бы иметь ещё одно регулярное поступление. После продажи машины такие слова должны были принести облегчение, и ей стало неприятно оттого, что первая реакция действительно была похожа на него. Геннадий умел выбирать момент, когда предложение выглядело заботой. Людмила повернула лежавший перед ней лист и увидела в верхней строке имя Галины, которой уже

несколько дней не могла назвать твёрдый день оплаты.

— Что ты за это хочешь? — спросила она. Голос прозвучал устало, и Людмила подтянула к себе стул, чтобы не сидеть на самом краю. — Просто скажи сразу, Гена. Мы уже достаточно поговорили вокруг.

— Чтобы ты перестала устраивать эту историю с деньгами рынка, — ответил он после короткой паузы. Мягкость в голосе ещё сохранялась, но слова пошли быстрее, будто теперь можно было наконец говорить о главном. — Не ходила по людям, не собирала против меня бумаги. Мы разделились, у каждого своё. Я тебе помогаю, ты живёшь спокойно.

Людмила посмотрела на две чашки, стоявшие на полке, и задержалась глазами на синей, привезённой из дома. Ещё во вторник она сидела напротив него и ждала, что он хотя бы признает её право спросить о пропавших средствах. Теперь он предлагал ей небольшую сумму каждый месяц и рассчитывал, что ради неё она перестанет выяснять, что произошло с деньгами восемнадцати торговцев. Ей не требовалось придумывать ответ немедленно, и она позволила себе несколько секунд молчания. Геннадий не выдержал первым и спросил, слышит ли она его.

— Слышу, — ответила Людмила. Она положила ладонь на лист с расчётами, чтобы перестать теревить его край. — Содержание мне не нужно. Возвратом денег рынка я буду заниматься, и прекращать это в обмен на твои переводы не собираюсь.

Геннадий заговорил раздражённо, напомнил о проданной машине и о том, что Людмила сама создаёт себе трудности. Она выслушала несколько фраз, потом сказала, что предложение поняла и ответ уже дала. На этот раз ей удалось закончить разговор, не объясняя заново ни Зоину расписку, ни февральскую оплату, ни собственный выбор. После звонка Людмила некоторое время сидела, прижав телефон к столу, и чувствовала, как постепенно отпускает напряжение в плечах. Отказ не прибавил денег и не сделал предстоящую неделю легче, но возвращаться к разговору ей не хотелось.

Сообщение Галины пришло через несколько минут. Та подтвердила поступление и написала, что утром подготовит оплату людям в согласованном порядке, а копии, о которых просила Наталья, уже сложены в кабинете. Людмила перечитала сообщение, ответила, во сколько приедет, и только после этого убрала листы в папку. На завтра нужно было поставить будильник раньше, чем обычно: машины у неё больше не было, а до рынка предстояло ехать на автобусе. Она приготовила одежду, положила возле сумки нужные ключи и пошла разогревать оставшийся ужин, пока телефон лежал на столе экраном вниз.

Глава сохранена отдельно: . В ней завершены события вторника–четверга первой мартовской недели.

Глава 3. Не проси меня уговаривать маму

Геннадий уже сидел у окна, ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.